

МАКСИМ САПФИРОВ

КЛИНОК ДВУХ ЗЕМЕЛЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Сапфиров

Клинок двух земель

«Автор»

2026

Сапфиров М.

Клинок двух земель / М. Сапфиров — «Автор», 2026

Он был выброшен морем на чужой берег — полуживой чужеземец с татуировкой «Помни зиму» на запястье. Старый самурай Мураками Рэн, давно переставший искать смысл, дал ему палку и сказал: «Ударь меня». Так начинается путь Алессандро Моретти — сына миланского ювелира и русской матери, — который научится стоять, падать и вставать, пройдёт через кровь, любовь и потерю, чтобы однажды сосчитать до трёх и опустить клинок на шею учителя. «Клинок двух земель» — это роман-океан о памяти и воде, о чести и предательстве, о любви, которая сильнее смерти. Три тома, три мира, три бедствия. И один вопрос, который задаёт катана каждому: готов ли ты умереть? Правильный ответ — «нет, но я готов учиться».

© Сапфиров М., 2026

© Автор, 2026

Максим Сапфиров

Клинок двух земель

Роман «Клинок двух земель»

Том первый. Ученик самурая

Часть первая. Год трёх бедствий

«Чужих меж нами нет!
Все мы друг другу братья
Под вишнями в цвету.»

Кобаяси Исса

Год выдался голодный — в хрониках его потом назовут годом трёх бедствий, но тогда никто ещё не знал, что бедствий будет три. Месяц стоял безымянный, потому что рис не возшёл, и люди не считали дни — считали зёрна. А небо над провинцией Муцу в то утро было цвета старой циновки: серое, выцветшее, будто кто-то смахнул краски с полотна и оставил одну только усталость.

Деревня стояла на берегу холодного моря, которое зимой становилось цвета свинца, а летом — цвета мокрого камня. Дома лепились к скалам, как ракушки, — низкие, с соломенными крышами, почерневшими от соли и дыма. Между ними вились тропы, протоптанные босыми ногами за сотни лет. В центре — колодец, вода в котором отдавала железом, и старое святилище с покосившимися воротами, у которых молились рыбаки перед выходом в море.

Утро началось с крика петуха, хриплого и злого, будто птица тоже устала жить. Затем закрипели ставни, зашлёпали по грязи ноги, потянуло дымом очагов. Деревня просыпалась медленно, нехотя, словно старик, которому некуда спешить и незачем вставать.

Рыбак по имени Дзиро нашёл его на рассвете, когда море ещё дышало туманом. Дзиро был человеком небогатым, но счастливым в своей простоте: у него была лодка, сеть, жена и трое детей, а большего ему и не требовалось. Он не любил загадок и не искал приключений — но море, как известно, не спрашивает, чего ты хочешь. Море просто выбрасывает на берег то, что ему больше не нужно, — обломки кораблей, дохлую рыбу, бутылки с записками, а иногда и людей.

В то утро Дзиро шёл вдоль берега, собирая выброшенные штормом водоросли — жена настаивала их на бульон, потому что риса всё равно не было. Туман лежал плотным одеялом, и море дышало где-то за ним, тяжёлое, как загнанный зверь. Волны лизали гальку с ленивым шипением, оставляя на камнях пену, похожую на клочья седых волос.

Он увидел тёмное пятно у самой кромки воды и сначала подумал — тюлень. Тюлени иногда заплывали сюда, их жир спасал деревню в голодные годы. Дзиро прибавил шагу, перебирая в уме, хватит ли соли и сколько дней можно будет коптить мясо. Но когда подошёл ближе, сердце его оборвалось и упало куда-то в живот.

Это был человек.

Чужеземец лежал на гальке, как выброшенная прибоем доска — весь в солёных корках, губы серые, волосы чёрные, слипшиеся. Но лицо... Лицо было не японское. Кожа слишком светлая, нос слишком острый, скулы слишком широкие для чужака и слишком узкие для южанина. Что-то в чертах было не совсем европейским — будто кто-то замешал тесто из двух мук и не до конца вымесил. Дзиро много лет смотрел на море и на людей, которые приплывали с него, — португальцев, голландцев, китайцев, — но такого лица он не видел никогда. В нём читалась какая-то двойственность, словно человек этот принадлежал сразу двум мирам и ни одному из них полностью.

Дзиро потыкал его веслом. Чужак не шевельнулся. Тогда Дзиро склонился, прислушался — дыхание есть, слабое, но есть. На груди у незнакомца висел медный крестик на обрывке шёлкового шнура, а на запястье — татуировка: два слова, написанных кириллицей. Дзиро не прочёл их — не умел, — но буквы запомнил, потому что они были похожи на ножки насекомых, запутавшихся в паутине. Позже он узнает, что там было написано: «Помни зиму». Слова, которые этот человек выбрал, чтобы носить на себе до конца жизни, — как обещание, как клятву, как напоминание о том, что холод — не враг, а учитель.

Дзиро поволок его в деревню. Тащил долго, спотыкаясь о корни, и всё бормотал под нос: «Только бы не помер, только бы не помер, а то беда — чужак, кто за него ответит?» Он не был героем. Он был просто человеком, который знал: если бросить умирающего на берегу, море запомнит это и однажды оплатит той же монетой. Море вообще ничего не забывает.

Солнце поднималось над сопками, разгоняя туман, и мир вокруг становился резким, как рисунок тушью. Дзиро чувствовал, как пот стекает по спине, как руки немеют от тяжести, как тело чужака — а оно было тяжёлым, тяжелее, чем должно быть у человека, который почти умер, — тянет его к земле. Вокруг кричали вороны, увязавшиеся за ним от самого берега, и их хриплое карканье казалось Дзиро зловещим предзнаменованием.

Весть о чужаке разнеслась быстрее, чем дым от костра. Староста — хмурый старик по имени Хэйтаро, который тридцать лет собирал налоги и тридцать лет ненавидел это занятие, — сказал: выгнать, пока не поздно. Бабка-травница О-Киё, которая лечила травами и словом, сказала: лечить, потому что человек — не собака. А пришедший на шум странник с двумя мечами на поясе сказал:

— Оставьте его мне.

Голос его был негромким, но таким, что все замолчали. Даже вороны на крышах притихли.

Странника в деревне знали. Звали его Мураками Рэн, и слава о нём шла впереди него, как тень от факела. Когда-то он служил клану Датэ — был вассалом, носил их мон на хаори, ел их рис. Потом ушёл — говорили, после ссоры с даймё; говорили, после гибели учеников; говорили, после того, как увидел нечто, от чего перестал бояться смерти. Он жил один, в полуразвалившемся храме на холме, и к нему ходили за советом, за помощью, за поединком. За поединком к нему больше не ходили: последний, кто пришёл, ушёл без руки и с новым пониманием слова «смирение».

Рэн был человеком, который перестал искать. Он не искал славы, не искал богатства, не искал учеников. Он просто жил — медленно, тихо, как вода в горном ручье, которая не спорит

с камнями, а обтекает их. Но когда он увидел чужака, что-то в нём дрогнуло. Может быть, он узнал в этом изломанном теле себя — человека, которого море (или судьба) выбросило на берег и оставило умирать. А может быть, он просто устал от тишины, которая звенела в ушах громче любого боя.

Рэн отнёс чужака в храм, уложил на циновку, влил ему в рот отвар из корня имбиря и горной арники. Три дня незнакомец горел. Мураками менял ему компрессы, поил его водой с каплями сакэ, разговаривал с ним — не потому что тот слышал, а потому что тишина в храме стояла такая, что от неё начинало звенеть в ушах. Он говорил о войне, о мире, о богах, о людях, о том, как трудно быть человеком, когда всё, что ты умеешь, — это убивать. Он говорил о своей жене, которая умерла от болезни, и о сыне, который утонул в реке, и о том, что смерть — это не конец, а просто дверь, в которую каждый входит в одиночку.

Храм стоял на холме, и от него открывался вид на море — серое, бесконечное, равнодушное. Стены его были сложены из тёмного дерева, покрытого резьбой, изображавшей драконов и волны. В углу — маленький алтарь с потускневшей статуей бодхисаттвы, чьё лицо стёрлось от времени. Пахло ладаном, старой древесиной и морем. Ветки сосен за окном скреблись о стены, как пальцы нищих.

На четвёртый день чужак открыл глаза.

— Где я? — спросил он. По-японски. Криво, с ужасным акцентом, с путаницей в частицах, но по-японски.

— В земле, где море бьётся о камень и не может его разбить, — ответил Рэн.

Чужак попытался сесть. Рэн нажал ему на грудь ладонью.

— Лежи. Твоё тело ещё не знает, что оно живое.

— Меня зовут Алессандро, — сказал чужак. — Мой отец был ремесленник из Милана — золотых дел мастер. Моя мать была русская, из Новгорода. Я... я был на корабле. Корабль ушёл ко дну.

— Корабль — это железная рыба, которая глупее настоящей, — сказал Рэн. — Море берёт, что захочет.

Алессандро закрыл глаза и заснул. Рэн просидел рядом всю ночь, глядя, как за окном храма луна ползёт по небу, как рана на чужаке сочится и затихает, как дышит человек, которого море не захотело оставить. В ту ночь Рэн впервые за много лет почувствовал, что, может быть, — только может быть, — у него всё-таки есть ещё одна история, которую стоит рассказать.

Часть вторая. Палка и клинок

Когда Алессандро встал на ноги — а это произошло через две недели, — Мураками дал ему бамбуковую палку и сказал:

— Ударь меня.

Алессандро, бледный, ещё шаткий, замахнулся. Рэн перехватил палку, вывернул её из его руки и ткнул концом ему в живот — мягко, без силы, но так, что Алессандро сложился пополам.

— Ты слабый, — сказал Рэн. — Но не трус. Трус бы не замахнулся. Садись.

Он сел напротив, скрестив ноги, и начал говорить.

— Много лет назад в этой стране жил человек по имени Минамото-но Ёритомо. Он собрал воинов и взял власть, потому что другой человек, по имени Тайра-но Киёмори, забрал её первым и не умел ею распоряжаться. Так бывает всегда: кто-то берёт, кто-то отбирает, а простые люди в обоих случаях гибнут. Ёритомо создал сёгунат — власть воинов. С тех пор император сидит в Киото в красивых одеждах, а правит тот, у кого мечи. Ты понимаешь?

— В Венеции тоже так, — сказал Алессандро. — Дож носит красивую шапку, а правят советы и торговцы.

— Торговцы, — повторил Рэн с таким выражением, будто слово имело вкус протухшей рыбы. — У нас тоже есть торговцы. Они думают, что монета — это сила. Но монета не может защитить тебя от меча.

— А что может?

Рэн помолчал. Потом поднял руку и ткнул себя пальцем в лоб.

— Вот это. И вот это, — он положил ладонь на рукоять меча. — В таком порядке.

Так начались учения. Каждый день, до рассвета, Рэн будил Алессандро ударом бамбуковой палки по пяткам. Они выходили на площадку перед храмом, где трава была вытоптана до голой земли, и Рэн показывал. Не учил — показывал. Он считал, что учить — значит делать ученика похожим на себя, а показывать — значит дать ученику увидеть и решить самому.

Площадка была неровная, с трещинами, из которых по утрам поднимался пар. Вокруг росли старые сосны, их корни выползали на поверхность, как змеи. Иногда с моря налетал ветер, и тогда листья, сухие и жёлтые, кружились в воздухе, будто танцевали. Алессандро падал на эту землю сотни раз — лицом, спиной, боком, — и каждый раз Рэн стоял над ним, не помогая встать, а только наблюдая. Это тоже было учение.

— Катана — это не оружие, — говорил он, медленно ведя клинком по воздуху. — Катана — это вопрос. Ты задаёшь вопрос телу врага: готов ли ты умереть? Если враг готов — ты проиграл, потому что его воля сильнее. Если не готов — ты выиграл, но не потому, что лучше режешь, а потому, что он захотел жить больше, чем победить.

— А если оба готовы умереть? — спросил Алессандро.

— Тогда победит тот, кто готов умереть правильнее.

Алессандро не сразу понял. Но Рэн не торопился. Он вообще никогда не торопился — ни в бою, ни в разговоре, ни в жизни. Время для него было не рекой, а озером: оно стояло, и в нём отражались все, кто приходил и уходил.

Дни складывались в месяцы. Месяцы — во времена года.

Весной Рэн учил его стойкам: правильная позиция — это корень, а движение — дерево. Дерево без корня падает от первого ветра. Алессандро падал много. Рэн бил его по ногам палкой и говорил:

— Вставай. Земля тебя держит — пользуйся этим.

Летом начались каты — спарринги на бамбуковых мечях. Алессандро был выше Рэна, тяжелее, но медленнее, и Рэн объяснял:

— Твоё тело — европейское, оно привыкло к силе. Здесь сила не нужна. Здесь нужно движение. Думай о воде: вода не сильна, вода течёт. Но вода точит камень.

— В России тоже так говорят, — сказал однажды Алессандро, потирая ушибленный бок. — Вода камень точит.

Рэн остановился. Впервые за всё время он посмотрел на Алессандро не как на ученика, а как на собеседника.

— Расскажи.

И Алессандро рассказал. О Новгороде, где вырос — о каменных стенах, о реке Волхов, о куполах церквей, покрытых золотом и снегом. О том, как мать пекла пироги и пела песни, которых он не помнил, но помнил их вкус — тёплый, с медовым оттенком. О том, как отец, миланский золотых дел мастер, учил его держать молоток — не кулаком, а пальцами, чувствуя металл, как живое.

— Россия — это не страна, — говорил он. — Россия — это зима, которая длится девять месяцев и научила людей не бояться холода.

— Как можно не бояться холода? — спрашивал Рэн, который никогда не видел снега толще рисового зёрнышка.

— Холод — это не враг. Холод — это учитель. Он учит тебя двигаться, потому что если остановишься — умрёшь. Он учит тебя помогать другим, потому что один не выживет. Он учит тебя ценить тепло, а кто ценит тепло — тот ценит жизнь.

Рэн слушал, и что-то в его лице менялось — неуловимо, как тень от облака. Он был воином, который всю жизнь провёл в стране, где времена года сменяли друг друга мягко, почти незаметно. Он никогда не думал о холоде как об учителе. Для него холод был просто холодом — неудобством, от которого можно укрыться. Но этот чужак говорил о нём так, будто холод был живым существом, богом, который требует уважения и даёт мудрость тем, кто выживает.

Алессандро рассказывал о князе Александре, который разбил шведов на Неве и немцев на Чудском озере.

— Он был ниже всех своих воинов, — говорил Алессандро. — Но когда шёл в бой, все шли за ним, потому что он не приказывал — он шёл первым.

— Японский воин тоже идёт первым, — кивнул Рэн. — Но у нас это называется иначе. Мы говорим «ги» — долг. Долг — это не то, что ты должен. Долг — это то, чем ты являешься. Если ты воин, ты не выбираешь идти первым. Ты уже идёшь.

— В России это называют «правда», — сказал Алессандро. — Не в смысле истины, а в смысле правильного пути. Правда — это когда делаешь то, что должно, даже если всё против тебя.

Рэн поднял чашку с сакэ, посмотрел на огонь.

— Правда и гири, — сказал он тихо. — Похоже, в разных странах люди одинаково страдают и одинаково находят слова для этого страдания.

Алессандро рассказал о татарском нашествии — о том, как дым поднимался над русскими городами, как люди уходили в леса и возвращались, отстраивая всё заново. Рэн слушал и молчал. Потом сказал:

— У нас тоже были нашествия. Монголы пришли в тринадцатом веке. Они сожгли Киото... нет, они не дошли до Киото. Но они сожгли всё, что было до Киото. Двести лет мы жили под их тенью. Двести лет мы учились у них и ненавидели их, и это, наверное, и есть настоящее обучение — когда учишься у того, кого ненавидишь.

— Мы тоже, — сказал Алессандро. — Двести сорок лет. Моя бабушка говорила: татары научили нас сидеть в седле и терпеть боль. А потом мы научили их строить церкви. И в итоге никто не победил. Все просто устали.

Рэн рассмеялся. Это был первый раз, когда Алессандро слышал его смех — тёплый, короткий, как лай маленькой собаки.

— Все просто устали, — повторил он. — Это лучшее, что я слышал о войне. Война заканчивается не победой. Война заканчивается усталостью.

Часть третья. Русская зима

Вечерами, после тренировок, они сидели у огня, и Алессандро рассказывал. Огонь в очаге потрескивал, отбрасывая на стены храма пляшущие тени. За окном шумело море — всегда одинаковое, всегда разное. Рэн сидел, поджав ноги, и слушал. Он умел слушать так, как мало кто умеет, — всем телом, не перебивая, не торопя.

Алессандро рассказывал о Новгороде, где вырос — о каменных стенах, о реке Волхов, о куполах церквей, покрытых золотом и снегом. О том, как мать пекла пироги и пела песни, которых он не помнил, но помнил их вкус — тёплый, с медовым оттенком. О том, как отец,

миланский золотых дел мастер, учил его держать молоток — не кулаком, а пальцами, чувствуя металл, как живое.

Он рассказывал о том, как в детстве бегал по льду Волхова с мальчишками, и они дрались на кулаках — босиком, на морозе, и не сдавались, потому что сдаться означало замёрзнуть. Он рассказывал о том, как мать учила его молитвам, а отец — ремеслу, и как эти две науки не мешали друг другу, а сплетались в единое целое: молитва помогала держать руку твёрдой, а ремесло — держать душу чистой.

— Россия — это не страна, — говорил он. — Россия — это зима, которая длится девять месяцев и научила людей не бояться холода.

— Как можно не бояться холода? — спрашивал Рэн, который никогда не видел снега толще рисового зёрнышка.

— Холод — это не враг. Холод — это учитель. Он учит тебя двигаться, потому что если остановишься — умрёшь. Он учит тебя помогать другим, потому что один не выживет. Он учит тебя ценить тепло, а кто ценит тепло — тот ценит жизнь.

Рэн слушал, и что-то в его лице менялось — неуловимо, как тень от облака. Он был воином, который всю жизнь провёл в стране, где времена года сменяли друг друга мягко, почти незаметно. Он никогда не думал о холоде как об учителе. Для него холод был просто холодом — неудобством, от которого можно укрыться. Но этот чужак говорил о нём так, будто холод был живым существом, богом, который требует уважения и даёт мудрость тем, кто выживает.

Алессандро рассказывал о князе Александре, который разбил шведов на Неве и немцев на Чудском озере.

— Он был ниже всех своих воинов, — говорил Алессандро. — Но когда шёл в бой, все шли за ним, потому что он не приказывал — он шёл первым.

— Японский воин тоже идёт первым, — кивнул Рэн. — Но у нас это называется иначе. Мы говорим «ги» — долг. Долг — это не то, что ты должен. Долг — это то, чем ты являешься. Если ты воин, ты не выбираешь идти первым. Ты уже идёшь.

— В России это называют «правда», — сказал Алессандро. — Не в смысле истины, а в смысле правильного пути. Правда — это когда делаешь то, что должно, даже если всё против тебя.

Рэн поднял чашку с сакэ, посмотрел на огонь.

— Правда и гири, — сказал он тихо. — Похоже, в разных странах люди одинаково страдают и одинаково находят слова для этого страдания.

Алессандро рассказал о татарском нашествии — о том, как дым поднимался над русскими городами, как люди уходили в леса и возвращались, отстраивая всё заново. Рэн слушал и молчал. Потом сказал:

— У нас тоже были нашествия. Монголы пришли в тринадцатом веке. Они сожгли Киото... нет, они не дошли до Киото. Но они сожгли всё, что было до Киото. Двести лет мы жили под их тенью. Двести лет мы учились у них и ненавидели их, и это, наверное, и есть настоящее обучение — когда учишься у того, кого ненавидишь.

— Мы тоже, — сказал Алессандро. — Двести сорок лет. Моя бабка говорила: татары научили нас сидеть в седле и терпеть боль. А потом мы научили их строить церкви. И в итоге никто не победил. Все просто устали.

Рэн рассмеялся. Это был первый раз, когда Алессандро слышал его смех — тёплый, короткий, как лай маленькой собаки.

— Все просто устали, — повторил он. — Это лучшее, что я слышал о войне. Война заканчивается не победой. Война заканчивается усталостью.

Часть четвёртая. Храм на холме

Прошёл год.

Алессандро уже не падал, когда Рэн бил его по ногам. Он научился двигаться — не так, как Рэн, не так изящно и текуче, но по-своему: тяжело, упрямо, как река, которая прокладывает себе русло через камни. Рэн назвал это «русским стилем» и сказал, что так драться опасно, потому что так драться честно.

— Честность в бою — это роскошь, — сказал он.

— Для кого? — спросил Алессандро.

— Для живых.

Алессандро научился держать катану — настоящую, не бамбуковую. Рэн дал ему старый клинок, без имени, без истории, с ржавчиной на хвостовике и трещиной на цубе.

— Это не хороший меч, — сказал Рэн. — Но он твой. И он от тебя не отвернётся, если ты не отвернёшься от него.

Клинок был тяжёлый, с тёмной рукоятью, обмотанной кожей, потемневшей от пота и времени. На цубе — трещина, тонкая, как паутина. Алессандро проводил по ней пальцем и думал о том, сколько рук держало этот меч до него, сколько жизней он отнял, сколько раз спасал своего хозяина.

В то время отношения между кланами в провинции Муцу были натянуты, как струна кото. Клан Датэ, которому Рэн когда-то служил, конфликтовал с соседним кланом — Нанбу. Повод был обычный: земля, рис, налоги. Последствия были обычные: кровь, пепел, сироты.

Рэн держался в стороне. Он сказал Алессандро:

— Я ушёл от Датэ не потому, что перестал верить. Я ушёл потому, что начал верить в другое.

— Во что?

— В то, что меч не решает, кто прав. Меч решает, кто остался.

Алессандро кивал, но не понимал. Тогда ему было двадцать два года, и он верил, что меч решает многое. Понимание пришло позже. Гораздо позже — через кровь, через потери, через холод, который он носил в себе с детства и который однажды стал его единственным оружием.

Часть пятая. Первая кровь

Первый настоящий бой случился осенью, когда листья клёна стали красными, как будто деревья тоже хотели драться.

На деревню напали — не воины клана, а ронины, потерявшие хозяина, потерявшие честь, потерявшие всё, кроме мечей и голода. Их было семеро. Они хотели рис, сакэ, женщин. Староста послал за Рэном.

Рэн пришёл один. Алессандро увязался за ним, и Рэн не прогнал — впервые не прогнал.

Ронины были пьяны и самоуверенны. Первый бросился с криком, замахиваясь сверху. Рэн шагнул вбок, и клинок ронина вошёл в воздух. Катана Рэна вошла в его бок — коротко, без лишнего движения. Первый упал.

Второй и третий напали одновременно. Рэн ушёл назад, крутанулся, и один ронин упал с разрубленным запястьем, а второй — с удивлённым выражением на лице и дырой в груди.

Кровь брызнула на траву, тёмная, почти чёрная в свете заходящего солнца. Воздух наполнился запахом железа и страха.

Алессандро дрался с четвёртым. Тот был крупный, злой, с тяжёлым тати и ртом, полным брани. Алессандро вспомнил всё, чему учил Рэн: не силу — движение, не мышцу — дыхание. Ронин замахнулся — Алессандро шагнул вперёд, под удар, и вогнал катану ему в живот. Ронин посмотрел на него с таким изумлением, будто не верил, что иностранец может убивать.

Пятый бросился на Алессандро со спины. Рэн крикнул — Алессандро обернулся, но поздно. Он успел только подставить меч, и клинок ронина скользнул по его лбу, оставив глубокий порез. Кровь залила глаза. Алессандро закричал — не от боли, от ярости — и ударил вслепую, снизу вверх, и попал. Ронин упал.

Шестой и седьмой убежали.

Рэн перетянул Алессандро лоб тканью, сказал:

— Шрам на лбу — хороший шрам. Он будет напоминать, что спина не имеет глаз.

— Я его убил, — сказал Алессандро. Голос его дрожал.

— Да.

— Я не хотел.

— Никто не хочет. Но ты выбрал поднять меч, а меч не знает слова «не хотел».

В ту ночь Алессандро не спал. Он лежал и смотрел в темноту, и в темноте ему казалось, что он видит лицо ронина — его глаза, полные изумления, и рот, который открывался и закрывался, как у рыбы на суше.

Рэн сел рядом.

— Ты чувствуешь вину, — сказал он.

— Да.

— Хорошо. Вина — это доказательство того, что ты человек. Но не позволяй ей стать цепью. Цепь удерживает на месте, а ты должен двигаться.

— Как вода, — сказал Алессандро.

— Как вода, — подтвердил Рэн.

-Часть шестая. Духи

Зимой всё изменилось.

Началось с малого: куры в деревне перестали нести яйца, собаки выли по ночам, а река покрылась тёмной плёнкой, которая не была льдом, но была холоднее льда. Дзиро-рыбак сказал, что не ловит ничего уже пять дней — рыбы ушли, будто испугались чего-то.

Рэн стал молчалив. Он ходил по храму, трогал стены, как будто прислушиваясь к ним. Однажды ночью Алессандро проснулся и увидел, что учитель стоит на пороге и смотрит на холм, за которым темнел лес.

— Что там? — спросил Алессандро.

— Что-то, что не должно быть, — ответил Рэн. — И оно уже здесь.

Первый дух появился через три дня.

Алессандро шёл за водой к источнику, когда увидел его — на дороге, между двумя каменными фонарями, которые стояли здесь сто лет и покрылись мхом. Это была женщина. Она стояла спиной, и волосы её — длинные, чёрные — свисали ниже пояса. На ней было белое кимоно — белое, как рисовая мука, белое, как кость.

— Госпожа, — сказал Алессандро по-японски. — Вам помочь?

Женщина повернулась. Лица у неё не было. Вместо лица была гладкая кожа — как у маски, но без прорезей для глаз, рта, носа. Просто кожа. И от этой кожи, от этой гладкости, от

этого отсутствия шёл холод — не зимний, не обычный, а такой, от которого кровь замедляется в жилах, как мёд в холодном горшке.

Алессандро не мог пошевелиться. Ноги приросли к земле. Руки онемели. Женщина — нупзэрибо — наклонила голову, будто прислушивалась к его дыханию, и начала приближаться.

Его спас Рэн. Он появился бесшумно, как всегда, и ударил — не мечом, а ладонью, сложенной особым образом, — по воздуху между ними. Раздался звук, похожий на треск разрываемой ткани. Женщина распалась на клочья тумана и исчезла.

— Вставай, — сказал Рэн.

— Что это было?

— То, что остаётся, когда человек уходит, но уходит неправильно.

Рэн объяснил. По его словам, в лесу за холмом была старая святыня — каменный столб, поставленный много веков назад, чтобы удерживать то, что не должно выходить. Кто-то — или что-то — разрушил столб. И теперь то, что было заперто, выходило наружу.

— Это ёкаи? — спросил Алессандро. Он слышал это слово от Рэна, но не понимал толком.

— Ёкаи — это имя для всего, чего мы не понимаем, — сказал Рэн. — Как «демон» в твоём языке. Но здесь это не просто духи. Здесь это обида. Земля помнит каждый удар, каждую каплю крови, каждый крик. Когда святыню сломали, обида вышла.

— Кто сломал?

Рэн помолчал.

— Я боюсь, что знаю кто.

Часть седьмая. Предатель

Имя ему было — Куросава Дзэн.

Рэн рассказал о нём как о человеке, которого когда-то любил. Куросава был его учеником — вторым, после того, как первый погиб. Он был талантлив, быстр, красив. Рэн учил его так же, как потом учил Алессандро — палкой, катаной, разговорами у огня. Но Куросава хотел не знания, а силы. Он хотел быть сильнее Рэна, сильнее всех, и когда понял, что Рэн не даст ему того, чего он хочет, ушёл.

— Я думал, он ушёл в горы и стал отшельником, — сказал Рэн. — Но он стал другим. Он нашёл способ говорить с тем, что под землёй. Он научился ломать не мечи, а границы.

— Зачем ему это?

— Чтобы стать сильнее. Он думает, что мёртвые послушны, как свиньи в загоне. Но мёртвые не свиньи. Мёртвые — это вода: если ты думаешь, что держишь её, она просто течёт сквозь пальцы и собирается снова.

Они пошли в лес — Рэн и Алессандро. Рэн взял оба меча — катану и вакидзаси. Алессандро взял свою старую, безымянную катану.

Лес был неправильный. Деревья стояли слишком прямо, как солдаты, и ветви у них были только с одной стороны — с северной. Птицы не пели. Земля под ногами была мягкой и тёплой, словно гнила. Воздух был густой, как сироп, и пахло чем-то сладковатым, тошнотворным.

Они дошли до святыни. Каменный столб лежал, разбитый на три части. На обломках были знаки — не японские, не чьи-либо. Они выглядели так, будто кто-то нацарапал их ногтями.

— Он был здесь, — сказал Рэн.

И тут из-за деревьев вышли они.

Их было много. Десятки. Люди — или бывшие люди. У некоторых не было лиц, как у той женщины. У других лица были, но застывшие, как маски. Третьи были полупрозрачными, и сквозь них видно было деревья. Они двигались не как живые — рывками, дёргано, как марионетки на обрезанных нитях. И от них шёл звук — не крик, не стон, а что-то среднее, как скрежет жернова, который мелет пустоту.

— Это юрэй, — сказал Рэн. — Призраки неупокоенных. Куросава поднял их и не может отпустить.

— Что делать?

— Резать. Но не так, как режешь живых. Духи боятся не стали, а воли. Твой меч должен быть продолжением твоей решимости, а не просто руки.

Первая волна накатила. Алессандро ударил — и его клинок прошёл сквозь духа, как через дым. Дух не остановился.

— Воля! — крикнул Рэн. — Не думай о клинке. Думай о том, что ты не уступишь.

Алессандро закрыл глаза на секунду. Вспомнил русскую зиму. Вспомнил, как мать говорила: «Холод не враг, холод — учитель». Вспомнил, как новгородские мальчишки дрались на льду — босиком, на кулаках, и не сдавались, потому что сдаться означало замёрзнуть. Он открыл глаза и ударил — не рукой, не мечом, а всей своей решимостью, всем своим «я не отступлю».

Клинок вошёл в духа — и дух распался.

Рэн дрался рядом, и его движения были красивы, как танец — но танец, в котором каждый шаг может стать последним. Он резал духов катаной, и каждый удар был точен, каждый — последний. Но их было слишком много.

Они отступили к святыне. Рэн тяжело дышал — впервые Алессандро видел его уставшим.

— Он где-то рядом, — сказал Рэн. — Куросава. Духи без хозяина разбрелись бы. Они держатся вместе, значит, кто-то их держит.

— Тогда нам нужно найти его.

— Нам нужно убить его.

Часть восьмая. Куросава

Куросава Дзэн сидел на камне в чаще леса, и вокруг него кружились мотыльки — белые, прозрачные, с крыльями, как лепестки сакуры. Он был красив — высоким лбом, тонким носом, губами, которые улыбались не глазам.

— Учитель, — сказал он, увидев Рэна. — Ты пришёл.

— Ты сломал святыню, Дзэн.

— Я открыл дверь. Это разные вещи.

— За дверью — мёртвые.

— Мёртвые — это тоже люди. Просто они перестали дышать.

Рэн вытащил катану. Куросава встал. У него на поясе был меч — но не катана, а что-то другое: тёмный, без блеска, будто вырезанный из куска ночи.

— Это меняет всё, — сказал Алессандро, глядя на тёмный меч. — Что это?

— Муракамо, — ответил Рэн. — Меч, выкованный не из стали, а из обиды. Каждый удар его — это чужая боль.

Куросава обнажил меч. Лезвие было чёрным, и от него шёл запах — горелый, горький, как пепел и полынь.

— Ты привёл иностранца, — сказал Куросава, разглядывая Алессандро. — Как мило. Он даже держит меч правильно. Но видит ли он?

— Что я должен видеть? — спросил Алессандро.

— Что учитель твой — трус. Он ушёл от клана, ушёл от войны, ушёл от мира. Он спрятался в храме и называет это мудростью. Но мудрость — это не прятки. Мудрость — это сила, которая знает, что делать.

— Мудрость — это сила, которая знает, чего не делать, — ответил Рэн.

Куросава напал.

Бой был страшным. Куросава дрался не как человек — он двигался с рывками, как духи, и его тёмный клинок оставлял в воздухе след, как трещину на стекле. Когда тёмный меч проходил рядом, Алессандро чувствовал холод — тот самый, неземной, от которого кровь густеет.

Рэн держался. Его катана пела — Алессандро слышал этот звук, звонкий, чистый, как колокол в горном храме. Он парировал, уходил, бил. Но Куросава был моложе, быстрее, и его меч питался чем-то, чего у Рэна не было: злостью.

Алессандро вступил. Он атаковал слева, тяжело, по-русски — без изящества, но с силой и упрямством. Куросава отмахнулся, но Алессандро не отступил, а шагнул ближе, и его меч — старый, безымянный — врезался в тёмный клинок с таким звуком, будто два камня столкнулись.

Тёмный меч треснул.

Куросава отшатнулся. На его лице — впервые — появилось выражение, похожее на страх.

— Невозможно, — прошептал он.

— Возможно, — сказал Алессандро. — Мой меч не имеет имени. Он не имеет истории. Он не имеет гордости. И именно поэтому ты не можешь его сломать. Ты ломаешь то, что имеет имя. А у меня есть только воля.

Рэн воспользовался моментом. Он шагнул вперёд и ударил — один удар, чистый, прямой, как стрела. Катана вошла Куросаве в грудь.

Куросава посмотрел на меч, потом на Рэна.

— Учитель, — сказал он. И умер.

Духи, которые держал Куросава, не исчезли сразу. Они бродили по лесу ещё три ночи — потерянные, медленные, как люди, которые забыли дорогу домой. Рэн и Алессандро ходили между ними и направляли — не мечами, а голосом. Рэн читал сутры, а Алессандро просто говорил с ними — по-русски, по-итальянски, по-японски. Он говорил: «Идите. Там спокойно. Там нет боли. Там нет холода. Идите.»

И они уходили. По одному. По двое. Тихо, как туман, как дым от погасшего костра.

На третью ночь лес затих. Птицы запели на рассвете. Река очистилась. Земля остыла.

Рэн и Алессандро вернулись в храм и проспали двое суток.

Часть девятая. Прозрение

После истории с Куросавой Рэн изменился. Он стал говорить больше — не о мече, не о технике, а о другом. О том, что он понял.

— Я думал, что ушёл от мира, — сказал он однажды. — Но я не ушёл. Я просто остановился. А ты — ты не остановился. Ты пришёл из другой страны, выучил мой язык, взял мой меч и дрался рядом со мной. Ты — лучший ученик, которого я мог иметь. Не потому, что ты сильный. А потому, что ты — чужой, и тебе нечего терять, кроме себя.

— Я тоже кое-что понял, — сказал Алессандро. — В России есть слово — «подвиг». Это не «победа». Это не «слава». Это когда ты делаешь то, что должен, зная, что не вернёшься. Раньше я думал, что это красиво. Теперь я знаю, что это просто. Подвиг — это не красиво. Подвиг — это честно.

Рэн кивнул.

— У нас это называется «бусидо» — путь воина. И я всю жизнь шёл по нему, но только сейчас понял, что путь — это не дорога. Путь — это шаги. И иногда последний шаг — самый важный.

Они продолжали тренироваться, но теперь это было иначе. Рэн не бил его палкой. Он показывал движения, и Алессандро повторял, и иногда — иногда — получалось так, что Рэн останавливался и говорил:

— Вот. Вот это — твоё. Не моё. Твоё.

Алессандро начал понимать кен-дзюцу — не как набор приёмов, а как язык. Каждый удар — слово. Каждый блок — пауза. Каждый шаг — запятая. Бой — это предложение, которое ты пишешь телом, и смысл его не в победе, а в том, что ты хотел сказать.

— Что я хотел сказать? — спросил он.

— Это ты должен решить, — ответил Рэн. — Но знай: когда ты решишь, бой закончится. Не потому, что враг умрёт. А потому, что тебе больше незачем будет драться.

Часть десятая. Конец пути

Клан Датэ пришёл за Рэном весной, когда сакура цвела.

Их было двадцать. Воины в полном облачении, с луками, копьями, мечами. Их вёл офицер — молодой, надменный, с лицом, которое ещё не научилось прятать страх. При нём был бумажный свиток с печатью клана — приказ, скреплённый кровью.

— Мураками Рэн, — сказал он. — Клан Датэ требует твоего возвращения. Тебя обвиняют в дезертирстве и в убийстве Куросавы Дзэна, который был вассалом клана.

— Куросава поднял мёртвых, — сказал Рэн. — Я остановил его.

— Решение клана не обсуждается. Ты вернёшься в замок и предстанешь перед судом.

Рэн посмотрел на воинов. Посмотрел на Алессандро. Посмотрел на сакуру — розовые лепестки падали, как снег в русской зиме.

— Я вернусь, — сказал он. — Но не как обвиняемый. Я вернусь как воин, который сам вынес себе приговор.

Рэн объяснил Алессандро, что будет делать. Он не убегал. Не собирался драться. Он выбрал сэппуку — ритуальное самоубийство, которое вернёт ему честь и закроет долг перед кланом.

— Это не смерть, — сказал он. — Это последний акт. Я прожил жизнь воина. Я хочу закончить её как воин.

— Это безумие, — сказал Алессандро. — Ты можешь уйти. Мы можем уйти. Уехать на север, к морю, куда-нибудь, где тебя не найдут.

— Я могу, — согласился Рэн. — Но тогда я перестану быть собой. А если я перестану быть собой — зачем мне жить?

Алессандро молчал. В горле стоял ком, похожий на камень.

— Ты просил меня быть вторым, — сказал он наконец, и голос его был хриплым. — Кайсяку. Чтобы... чтобы отрубить голову.

— Да. Потому что ты — мой ученик. И потому что ты чужак, и у тебя не будет соблазна остановить меня из жалости. Ты сделаешь это, потому что я попрошу. И потому что это будет правильно.

— Как я могу? Как я могу убить тебя?

— Не меня. Мою боль. Мой стыд. Мой долг. Ты отрубишь не голову — ты отрубишь то, что мешает мне уйти чистым.

Алессандро не спал всю ночь. Он сидел у огня и смотрел на свою катану — старую, безымянную, с трещиной на цубе. Он думал о России. О матери, которая пела песни. О Новгороде, о снеге, о колоколах. Он думал об Италии, об отце, о каналах Венеции, о вине, о солнце. Он думал о Японии, о Рэне, о палке, которая била по пяткам, о словах, которые били по сердцу.

Под утро он вышел на площадку перед храмом и начал резать воздух. Он резал долго, методично, и каждый удар был словом в предложении, которое он писал для Рэна. Слова были простые: спасибо. Прости. Прощай. Я не забуду. Я не остановлюсь.

Утро было ясным. Сакура цвела, и лепестки падали на землю, как розовый снег.

Рэн надел белое кимоно — сэппуку совершают в белом, чтобы кровь была видна. Он вымылся, причесался, завязал волосы в хвост. Лицо его было спокойным — не маска, а настоящее спокойствие, как у озера в безветрие.

На площадку перед храмом положили белый войлок. Рэн сел на него, сложив ноги. Перед ним стояла маленькая чашка с сакэ и вакидзаси — короткий меч, который он выбрал для ритуала.

Алессандро стоял позади, с катаной. Руки его дрожали. Он сжал рукоять так, что побелели костяшки.

Воины клана Датэ стояли полукругом, в почтительном молчании. Офицер, который пришёл за Рэном, стоял чуть в стороне и смотрел в землю.

Рэн поднял чашку, выпил сакэ — медленно, как будто пробовал его в последний раз. Потом взял вакидзаси, обернул лезвие белой бумагой, оставив кончик открытым.

— Алессандро, — сказал он, не оборачиваясь.

— Да, учитель.

— Когда я начну, ты сосчитаешь до трёх. На три — ударь. Не думай. Не жалея. Не медли. Будь водой — вода не жалеет, когда течёт.

— Да, учитель.

Рэн поднял вакидзаси. Лезвие блеснуло на солнце. Он посмотрел на лепесток сакуры, который упал на войлок перед ним, и улыбнулся.

— Знаешь, — сказал он тихо, — ты рассказывал мне про русскую зиму. Про холод, который учит двигаться. Я всю жизнь боялся холода — не настоящей зимы, а того холода, который приходит, когда ты понимаешь, что сделал не то, что должен. Теперь я не боюсь. Потому что я делаю то, что должен. Спасибо тебе за это.

Он вложил лезвие в живот — слева, и повёл вправо.

Один.

Алессандро почувствовал, как мир замедлился. Лепестки сакуры застыли в воздухе. Воины замерли. Солнце остановилось. Он видел спину Рэна — прямую, неподвижную, несмотря на боль, несмотря на кровь, которая растекалась по белому кимоно, как река по снегу.

Два.

Он поднял катану. Старую, безымянную, с трещиной на цубе. Он чувствовал её вес — не тяжесть металла, а тяжесть обещания. Рэн попросил. Рэн доверил. Рэн отдал ему последнее, что мог отдать: свой уход.

Три.

Клинок опустился. Чисто, быстро, как последняя строчка в предложении, которое Алессандро писал всё это время. Голова Рэна отделилась от тела, и тело медленно наклонилось

вперёд, как колос под ветром. Кровь на белом кимоно была красной — яркой, живой, не похожей на смерть.

Алессандро стоял неподвижно. Катана в его руке была мокрой. Лепестки сакуры падали на клинок и прилипали к нему.

Он не плакал. Он стоял и дышал, и каждый вдох был словом, и слово было — жизнь.

Том второй. Соль чужих морей

Часть одиннадцатая. Железная утроба

Море за кормой голландского судна «Утрехт» было цвета старого свинца. Оно не дышало туманом, как родное море у берегов Муцу, оно тяжело ворочалось, словно гигантский зверь, переваривающий проглоченные острова. Алессандро стоял у правого фальшборта, вцепившись пальцами в промасленное дерево так, что побелели костяшки. Его тошнило. Не от качки — после года жизни в рыбацкой деревне и скитаний по горам его вестибулярный аппарат стал крепче корабельной мачты. Его мутило от запаха.

«Утрехт» был железной рыбой Рэна, возведенной в абсолют. Здесь пахло дегтем, прелой парусиной, блевотиной сотен матросов, дешевой солониной и страхом. Воздух в трюме, куда они спустились вместе с Юкико, чтобы не мозолить глаза капитану ван дер Мееру, висел плотной, осязаемой массой. В этой темноте, прорезаемой лишь тусклым светом масляного фонаря, копошилась жизнь. На трех ярусах гамаков лежали люди: китайцы-кули, японские ронины, бегущие от правосудия сёгуната, филиппинцы с глазами затравленных собак.

Юкико сидела на единственном деревянном ящике, подтянув колени к груди. Её дорожное мужское платье — грубые хакама и хаори — промокло от пота и морской соли еще на пристани. Серебряная шпилька-журавль была спрятана глубоко в узел волос, но Алессандро знал: она чувствует её вес затылком.

— Они смотрят, — тихо сказала она по-японски. Голос не дрожал, но в нем звенела сталь готового лопнуть клинка.

— Пусть смотрят, — ответил он на том же языке. Он намеренно говорил громко, зная, что половина трюма понимает японский. — У гайдзина самурайская жена. Бойтесь подойти, крысы?

С нар, подвешенных над ними, свесился человек. Лысая голова блестела от жира, в разорванном ухе качалась золотая серьга. Португальский работорогвец, судя по татуировкам на шее.

— Самурайская подстилка стоит дорого, косоглазая, — просипел он, облизывая черные зубы. — А твой бледнолицый дружок слишком тощий. За него даже в Батавии дадут только пару бутылок рома. Продай девчонку мне, белый. Я научу её уважать мужчин.

Алессандро медленно повернул голову. Движение было плавным, почти ленивым, но плечи опустились, а центр тяжести сместился вперед — классическая стойка ханми. Бамбуковая трость осталась притороченной к поясу, но правая рука легла на рукоять вакидзаси Юкико, которую она сама сунула ему за пазуху перед посадкой.

— Поднимайся сюда, — сказал Алессандро. — Я покажу тебе уважение. Похороню лицом вниз, чтобы ты видел, как твои кишки вытекают в грязь.

Лысый замер. Трюм затих. Все знали язык угроз, но интонация Алессандро была лишена человеческого страха. Это был голос змеи, предупреждающей о броске. Португалец сглотнул, плюнул на пол и втянулся обратно во тьму своих тряпок.

— Ты бы убил его? — спросила Юкико. Она смотрела на него снизу вверх, и впервые за всё время их знакомства в её глазах не было оценки воина. Было что-то другое, горячее и пугающее.

— Да, — просто ответил Алессандро. — И выбросил бы за борт. Капитан расстроится потере товара, но обрадуется чистому полу.

Она вдруг шагнула к нему вплотную. В тесноте между гамаками их тела соприкоснулись. От неё пахло рисовой пудрой, которой аристократки перебивают запах пота, и железом.

— Не здесь, — прошептала она ему в губы. — Если ты убьешь кого-то на этом корабле, нас свяжут одной цепью и бросят рыбам до того, как увидим землю. Твоя катана... твоя честь ничего не стоят против фунта золота капитана.

— Моя честь давно утоплена в заливе Эдо, — хрипло ответил он, наклоняясь ниже. Их первый поцелуй случился не среди цветущей сакуры. Он случился в зловонной темноте, под скрип гнилого дерева, на вкус отдавая йодом, солью и чужой рвотой. Это не было нежностью. Это было присвоение территории. Юкико впиалась пальцами в его волосы, притягивая ближе, её жесткий рот требовал подчинения. Алессандро ответил тем же, впечатав её спиной в деревянный ящик. Он чувствовал каждый изгиб её тела через слои мокрой ткани, слышал, как бьется её сердце — часто, как птица, попавшая в силос.

Это продолжалось мгновение. Вечность. Скрип ступеней трапа заставил их отпрянуть друг от друга. Спустился боцман — одноглазый датчанин с плетью-семихвосткой.

— Эй, белая мразь! — крикнул он, светя фонарем. — Хозяин зовет. Наверх. Живо. Девку оставь, ей тут понравится.

Алессандро посмотрел на датчанина. Потом на Юкико. Она едва заметно кивнула.

— Иди, — сказала она. — Но если не вернешься до рассвета, я перережу глотку капитану, переоденусь в его одежду и поведу корабль сама. Меня учили навигации.

Он поднялся по скользким ступеням, чувствуя на спине её тяжелый взгляд.

Палуба встретила его ледяным ветром и дождем. Ван дер Меер ждал у штурвала. Лицо капитана напоминало старую карту — испещренное морщинами, пигментными пятнами и венами.

— Ты дрался сегодня, — сказал голландец, не поворачиваясь. Он смотрел на компас, стрелка которого плясала как сумасшедшая из-за близости японского побережья. — Мой трюм воняет твоим адреналином. Это плохо для бизнеса. Трусливые рабы дешевле.

— Они сами начали, — огрызнулся Алессандро.

— Мне плевать, кто начал, — капитан наконец обернулся. Один его глаз был настоящим, водянистым, второй закрывала черная кожаная повязка. — Мне важно, кто закончил. Ты умеешь держать дисциплину. Эти желтомордые боятся тебя больше, чем моего помощника.

Капитан подошел вплотную. От него разило можжевельником и дешевым табаком.

— У меня впереди сорок дней пути до Филиппин, — продолжил он тише. — Команда устала. Им скучно. Когда белым парням скучно в закрытом пространстве с азиатками, случаются неприятности. Испорченный товар. Протесты грузоотправителя. Я теряю деньги.

— Нанять меня охранником? — усмехнулся Алессандро. — У меня нет меча. Ваши законы запрещают иностранцам носить сталь.

— Меч — это шум, — поморщился ван дер Меер. — Шум пугает овец, но привлекает волков. Мне нужна тишина. Ты будешь моим голосом. Ходить по палубам. Смотреть в глаза. Иногда ломать пальцы. За это я дам тебе сухое место возле камбуза и двойную порцию воды. Откажешься — выкину за борт с камнем на шее. Выбор простой, как молитва протестанта.

Алессандро молчал, глядя на горизонт. Где-то там, за пеленой шторма, Япония исчезала навсегда. Вместе с храмом Рэна. Вместе с призраками Куросавы.

— Вода, — пробормотал он себе под нос.

— Что? — не понял капитан.

— Ничего. Я согласен. Но моя женщина остается неприкосновенной. Любой, кто посмотрит на неё дольше секунды, лишится этого глаза. — Алессандро ткнул пальцем в повязку капитана.

Ван дер Меер расхохотался. Смех звучал как кашель умирающего тюленя.

— Договорились, мясник. Иди вниз. Утром начнется настоящая работа.

Ночь обрушилась на океан внезапно. Шторм налетел с востока — тайфун, который моряки называли «Божественным ветром». «Утрехт» застонал всем корпусом. Дерево трещало, словно человеческие кости. Волны высотой с колокольню ударяли в левый борт, перекачиваясь через палубу и смывая всё, что не было приковано цепями.

Алессандро провел эту ночь на ногах. Страх высоты, привитый Рэном палкой по пяткам, работал лучше любого каната. Он ходил по накрёнутой, залитой ледяной водой палубе, вбивая ножные крюки в щели между досками. Когда огромный вал накрыл корабль, он задержал дыхание, позволил воде протащить себя вдоль борта, ударяя о стойки, и вынырнул уже у фок-мачты, хватая ртом воздух пополам с пеной.

Внизу, в трюме, творилось нечто страшное. От ударов волн сорвало крепления части груза. Огромные стволы строевого леса, закреплённые цепями, оборвали железо и теперь летали внутри корпуса, как снаряды катапульты. Люди кричали. Звук ломающихся костей перекрывал вой ветра.

Алессандро нашёл люк, ведущий в самую преисподнюю. Жар оттуда бил в лицо. Горело масло. Огонь лизала воду, шипел, но не сдавался.

— Затопить отсек! — ревел чей-то голос сверху.

— Там наши! — орал в ответ Алессандро, пытаясь перекрычать стихию.

Он прыгнул в люк. Пламя опалило брови. В дыму, по колено в смеси воды и горящего масла, метались тени. Очередной ствол дерева, разогнанный инерцией корабля, несясь прямо на группу китайских рабочих. Времени на замахи не было. Алессандро выставил ногу, оперевшись плечом в балку, и принял удар на себя.

Хрустнуло. Боль взорвала бедро белой вспышкой. Ствол остановился, врезавшись в его тело, и соскользнул в сторону, проломив тонкую перегородку. Вода хлынула в образовавшийся проем, гася пламя, но затягивая людей в водоворот.

Алессандро упал на одно колено. Левая нога отказывалась слушаться — тазобедренный сустав вылетел из чашки. Он попытался встать, опираясь на руки, и увидел, как вода поднимается, поглощая кричащих кули.

И тогда он услышал песню.

Юкико стояла на лестнице, ведущей в трюм. Вода доходила ей до пояса. Платье превратилось в саван, волосы облепили лицо, но она шла сквозь поток, держа в руках обломок тяжелой дубовой лавки как щест. Она не кричала. Она пела — какую-то старую северную балладу клана Дзен о деве, которая своим дыханием умиряет дракона-водоворота.

Она дошла до него, схватила за ворот куртки своей маленькой, но твердой как камень рукой и потянула.

— Вставай, Алессандро, — прохрипела она. — Вода любит трусов. Она забирает тех, кто лежит.

Он оперся на её плечо. Вес его стокилограммового тела должен был сломать её пополам, но Юкико лишь оскалила зубы и сделала шаг. Второй. Третий. Они выбрались из гибнущего трюма за секунду до того, как рухнувшая переборка намертво запечатала дверь.

На палубе царил ад. Фок-мачта переломилась и повисла на такелаже, хлеща корабль, как хвост убитого левиафана. Матросы рубили канаты топорами, но лезвия отскакивали от натянутых струн, высекая искры.

Огромная волна подняла «Утрехт» на свой гребень. Корабль накренился на правый борт под углом почти в шестьдесят градусов. Всё, что не было привязано — бочки, сундуки, раненые люди — посыпалось в ревущую бездну.

Алессандро покатился по доскам. Пальцы судорожно искали хоть какую-то щель. Нашли кольцо крышки грузового люка. Он вцепился в него, чувствуя, как ногти трещат и сходят с мяса. Рядом, в десяти ярдах от него, болтался на остатках леера боцман-датчанин. Его вырвало из страховочного пояса. Он летел мимо Алессандро вниз, в кипящую воду, и успел только посмотреть ему в глаза. В расширенных зрачках боцмана не было ужаса смерти. Было дикое, животное недоумение. Как у того ронина в храме много лет назад.

Волна схлынула. Корабль с оглушительным треском рухнул брюхом на воду. Удар выбил дух из легких. Пальцы Алессандро разжались. Он полетел вниз, но не в море, а на жестяные листы крыши капитанской каюты. Удар вышиб сознание.

Очнулся он от холода. И от вкуса крови во рту. Он лежал на крыше каюты, которая чудом удержалась на месте. Рассвет был багровым. Небо очистилось. Тайфун ушел дальше, оставив после себя мертвую зыбь

Алессандро перевернулся на живот. Всё тело представляло собой один сплошной синяк. Ребра справа были сломаны — каждый вдох отзывался иглами в легких. Левая нога пульсировала тупой болью.

Рядом пошевелилась фигура. Юкико. Она выглядела как утопленница, восставшая из мертвых. Губы синие, кожа серая, но глаза — огромные, черные, живые — смотрели ясно. Она сидела, прижимая к груди сломанную руку. Кость предплечья торчала наружу, пробив рукав

— Ты идиот, — сказала она беззлобно. — Зачем ты полез в огонь?

— Тот же вопрос к тебе, — выдохнул он. — Почему не дала им затопить отсек? Таковы правила. Груз важнее рабов.

— Китайцы умеют петь мои песни, — ответила она. — А ты приносишь мне удачу. Я не собираюсь терять оба источника тепла в один день.

Она попыталась улыбнуться, но скривилась от боли. Алессандро, преодолевая головокружение, подполз к ней.

— Дай сюда.

Он сел сзади, зажал её голову между своими коленями, чтобы не дергалась, достал из сапога нож и полоснул по рукаву. Плотная ткань поддалась с трудом.

— Будет очень больно, — предупредил он.

— Делай, — приказала она.

Алессандро обмотал ладони остатками своего шарфа, примерился и двумя резкими, короткими движениями — точь-в-точь как Рэн показывал на бамбуковых мечях, разделяя суставы — вправил кость. Раздался отвратительный влажный хруст. Юкико выгнулась дугой, её горло издала звук, похожий на рычание, но она не закричала. Только кровь выступила на искусанных губах.

— Хорошо, — прохрипела она, когда спазм отпустил. — Теперь шину.

Они сидели на крыше тонущего посреди Великого океана корабля. Солнце вставало, окрашивая воду в цвет запекшейся крови. Из трюма доносились стоны выживших. Впереди было тридцать девять дней пути. Запасов воды осталось на неделю. Капитан ван дер Меер сидел у разбитого штурвала, раскачиваясь взад-вперед, и выл на луну, которая всё ещё висела в небе. Его единственный глаз отражал полное, окончательное безумие.

Алессандро посмотрел на свою правую ладонь. Она была липкой от крови Юкико. Он поднес её к лицу, вдохнул запах железа и соли, а затем переполз к своей женщине и крепко обнял её, укрывая своим телом от пронизывающего ветра.

Где-то далеко, за тысячи миль, в новгородской земле мать наверняка поставила свечку за его упокой. В Италии отец перекрестился бы, узнав, что сын жив. Но Алессандро не был ни русским, ни итальянцем. Прямо сейчас, на развалинах деревянной скорлупы, он становился чем-то иным. Чем-то, чему Рэн так и не успел дать имя.

Часть двенадцатая. Гниль и соль

Дни слились в единую субстанцию цвета старой мочи и запаха смерти. «Утрехт» перестал быть кораблем. Он превратился в плавучий лазарет, дрейфующий по воле течения Куросио. Ван дер Меер сошел с ума окончательно на третий день после тайфуна. Его нашли в собственной каюте — капитан пытался съесть судовой компас, утверждая, что внутри живет железный краб, который украл его душу. Боцман исчез вместе с половиной шлюпок во время шторма. Власть на судне перешла к старшему канониру — голландцу Клаасу, человеку с лицом, состоящим из одних углов, и руками, покрытыми пороховыми ожогами до самого локтя.

Клаас был рационален.

— Вода важнее людей, — объявил он, когда они собрали совет выживших на палубе. Солнце палило нещадно, нагревая доски так, что ходить босиком было невозможно. — У нас двести галлонов в бочках. Было триста человек. Теперь сто сорок. Если будем пить по глотку, продержимся двадцать дней. Земля... земля появится через месяц. Значит, шестьдесят из вас должны умереть сейчас, чтобы остальные дошли

Он говорил это буднично, пересчитывая ржавые гвозди в ящике. Юкико стояла рядом с Алессандро, прижимая сломанную руку, теперь туго примотанную к груди обрывками шелкового платья. Она больше не пела. Песня требует влаги, а слюна во рту превратилась в песок.

— Мы убьем рабов, — продолжил Клаас. — Желтомордые стоят дешевле воды. Белых оставим для работы с парусами.

Алессандро слушал скрип канатов и смотрел на горизонт. Там была только марь — оптическая иллюзия, обещающая землю там, где её нет.

— Нет, — сказал он тихо. Голос после пережитого стал еще более хриплым, похожим на скрежет точила.

Клаас повернул голову. Уголок его рта дернулся.

— Что ты сказал, калека?

— Я сказал — нет, — Алессандро шагнул вперед. Левая нога всё ещё плохо слушалась, бедро распухло и горело огнем. Но правая сторона тела, обученная Рэном, была легка как перо. — Ты начнешь резать китайцев сегодня. Завтра твои матросы решат, что филиппинцы тоже недостаточно белые. Послезавтра вы начнете есть друг друга. А на четвертый день я переломаю тебе шею голыми руками.

Команда загудела. Десяток вооруженных мушкетонами моряков двинулся к ним. Это были не те пьяные ронины из деревни Муцу. Это были люди, которые уже видели дно ада и поняли, что дна у него нет.

Юкико сделала шаг вперед, заслоняя собой Алессандро. Несмотря на лихорадку, от которой её трясло, она расправила плечи.

— Мой спутник говорит жестко, но он говорит правду о воде, — произнесла она на ломаном английском, которому научилась за недели плавания. — Но он ошибается в одном. Дело не в том, кто белый. Дело в том, кто умеет считать звезды.

Она кивнула на мачту. Наверху, зацепившись страховочным поясом за остатки смотровой корзины, висел старый штурман-японец. Слепой на один глаз, сгорбленный, кожа да кости. Во время тайфуна он сорвался вниз, но ремень удержал его над бездной. Так он и провисел восемь часов, пока шторм не утих, слишком слабый, чтобы подтянуться.

— Его звали Хару, — продолжила Юкико. — Он служил лоцманом у даймё Сацума. Он знает эти воды лучше, чем Господь знает свои заповеди. Без него ваш корабль — просто гроб с парусом. Кто тронет старого японца или нас — останется без навигации. Вы будете блуждать здесь вечно, пока крысы не съедят ваши лица.

Клаас задумчиво почесал обожженную щеку. Логика войны всегда проста: выбирай меньшее зло. Штурман был ресурсом. Ресурс нужно беречь.

— Ладно, — процедил канонир. — Пока жив этот слепой кусок мяса — живи и ты, гайдзин. Но если завтра хоть капля воды пропадет из бочки — я лично буду смотреть, как твоя желтая подстилка захлебывается кровью.

Воду начали выдавать строго по унциям. Деревянная мерка ходила по кругу. Алессандро отдавал свою долю Юкико. Она отказывалась, но он бил её по рукам — легко, но властно.

— Пей, — приказывал он. — Твоя кровь нужна мне чистой. Если ты умрешь от жажды, я выкину твой труп рыбам, сэкономив воду команде, а сам пойду на корм акулам. Мне плевать. Но я обещал Мураками-сенсею, что стану водой. А вода должна течь туда, где сухо.

Цинга пришла на седьмой день. Сначала выпал зуб у молодого юнги. Он выплюнул его в ладонь, посмотрел на красную лунку в десне и начал смеяться. Смех перешел в судороги. Через час он умер, выгнувшись дугой. Затем десны начали кровоточить у всех. Плоть превращалась в слизь. Зубы шатались, держась на гниющих нитях нервов. Суставы опухали, синели. Люди теряли способность ходить. Они ползали по палубе, оставляя за собой мокрые следы, и грызли деревянные ручки дверей, пытаясь утолить голод, который пожирал их изнутри.

Алессандро чувствовал себя странно защищенным. Организм, закаленный морозами Волхова и недоеданием японских деревень, сопротивлялся дольше. Но левое легкое начало сдавать. При каждом глубоком вдохе внутри что-то булькало. Кровь появлялась на губах всё чаще. Он сплевывал её за борт, стараясь делать это незаметно.

Однажды ночью он проснулся от того, что кто-то тянет его за сапог. Это был Клаас. Канонир выглядел как живой мертвец. Кожа пожелтела и натянулась на черепе, глаза провалились. В руке он сжимал абордажный топор.

— Вода, — прошептал Клаас, щелкая зубами. Из десен тек гной. — Отдай флягу, русский. Или я расколю твою башку, как орех.

Алессандро лежал неподвижно, глядя в лицо смерти. Рядом, свернувшись клубком, спала Юкико. Даже во сне её рука искала рукоять кинжала.

— У меня нет воды, Питер, — спокойно ответил Алессандро. — Я отдал последний глоток твоей матери. Разве не помнишь? Ты плакал, как младенец.

Клаас зарычал и замахнулся. Топор пошел вниз. Время замедлилось ровно так, как учил Рэн. Мир сузился до точки на лезвии топора. Алессандро не стал вставать. На нижней палубе, в тесноте, встать означало потерять равновесие. Он перекатился. Движение заняло долю секунды. Топор врезался в деревянный настил в дюйме от его уха, выбив фонтан щепок.

Алессандро оказался под канониром. Он ударил головой вверх — прямо в подбородок Клааса. Раздался хруст позвонков. Не тратя времени, Алессандро схватил ослабевшую руку с топором, развернул её и вонзил лезвие точно в центр груди безумца.

Клаас икнул. Пузыри крови лопнули на его губах. Он осел, заваливаясь на бок, так и не выпустив рукояти.

Алессандро тяжело поднялся. Нога взорвалась болью. Легкое свистело. Он взял мерную чашку, зачерпнул воды из общей бочки — драгоценной, тяжелой — и подошел к Юкико. Полил ей на губы. Она открыла глаза.

— Что случилось? — спросила она, тут же садясь и хватаясь за оружие.

— Новый капитан, — Алессандро кивнул на тело Клааса. — Старый ушел в отставку. Теперь мы экономим одну порцию воды в день.

Юкико посмотрела на мертвеца, потом на Алессандро. Провела языком по своим черным, воспаленным деснам.

— Ты становишься предсказуемым, — сказала она. — Каждый раз, когда кто-то хочет тебя убить, ты его убиваешь первым. Это скучно.

— Терпи, — он погладил её по спутанным волосам. — Скоро станет весело. Очень скоро.

Веселье началось утром. Хару, слепой штурман, выполз на четвереньках на бак. Он долго водил носом, втягивая воздух, словно пес. Потом пополз к борту и перегнулся через леер. Его вырвало черной желчью.

— Земля, — прохрипел он. — Большая земля. Запах смолы и гнилого дерева. И птицы. Птицы, которые едят падаль

Палуба взорвалась криком. Полумертвые люди пытались встать на ноги, лезли друг на друга, цепляясь скрюченными пальцами цинги за одежду. Один из матросов, обезумев от радости, прыгнул за борт, думая, что сможет доплыть. Акулы разорвали его за минуту. Вода вокруг корабля закипела серыми плавниками.

Но земли не было весь день. И всю ночь. Штурман обманул их. То был лишь запах дыма от далекого пожара на другом острове или мираж. Когда солнце встало снова, океан был пуст. Разочарование убивает быстрее голода. Толпа бросилась на Хару. Они бы разорвали слепого старика голыми руками, выплескивая на него свой страх.

Юкико оказалась быстрее. Она метнулась наперерез толпе, двигаясь стремительно, несмотря на истощение. Её здоровая рука мелькнула в воздухе. Короткий европейский кинжал, спрятанный в поясе, вошел в горло самому рослому голландцу — тому самому португальцу с серьгой. Тот булькнул и упал, заливая доски красным.

Толпа замерла. Женщина-аристократка, стоящая над трупом с окровавленным ножом, смотрела на них взглядом кобры.

— Следующий, кто сделает шаг, будет учиться дышать через дыру в шее, — сказала она на чистом голландском. — Старик нужен нам живым. Пока он дышит, у нас есть надежда. Как только он умрет — я сама столкну последнего из вас за борт. Проверим, насколько глубока эта синяя яма.

Они отступили. Страх перед сумасшедшим профессионалом сработал там, где не работала логика.

На тринадцатый день их подобрала облака. Настоящие дождевые тучи. Низкие, свинцовые, беременные ливнем. Началось столпотворение иного рода. Люди подставляли ладони, рты, рваные рубахи. Первые капли упали на иссушенную палубу с таким звуком, будто лопались зерна кукурузы на огне. А затем небо прорвало.

Это был не дождь. Это был водопад. Соленая вода лилась сплошной стеной. Алессандро стоял посреди палубы, запрокинув голову. Капли били по лицу, смешиваясь с кровью из носа

— сосуды полопались от перепада давления. Он открыл рот, глотая пресную, божественную влагу. Он пил, пока живот не раздулся болезненно.

Рядом стояла Юкико. Она сняла повязку с руки — кость начала срастаться неправильно, плечо посинело, но ей было всё равно. Она ловила воду лицом. Впервые за долгие недели на её бледных губах играла улыбка. Жуткая, почти нечеловеческая улыбка человека, вернувшегося с того света.

— Твоя русская зима проиграла, — прошептала она, поймав взгляд Алессандро. — Здесь победил мой северный дождь.

— Зима никуда не уходила, — ответил он, стирая воду с её щеки. — Холод просто сменил форму. Чувствуешь? Нас ждет ледяной океан впереди.

Вода прибывала. Она скапливалась в трюме, грозя затопить то небольшое, что осталось от груза. Корабль опасно погрузился носом. К вечеру Хару снова подал голос. На этот раз он не принохивался. Он указывал костлявой рукой прямо по курсу.

— Скалы, — каркнул он. — Черные зубы. И лес. Высокий лес.

Земля показалась на закате. Это был не зеленый рай из сказок. Это был оскал. Острые базальтовые рифы торчали из воды, как гнилые зубы великана. За ними виднелся берег — узкая полоса песка, переходящая в отвесные скалы, заросшие такой плотной, ядовито-зеленой растительностью, что казалось, будто остров болен лихорадкой.

— Если разобьемся о камни — всем конец, — сказал Алессандро, стоя у разбитого штурвала. Он единственный, кто мог стоять прямо. Остальные валялись на палубе, объятые эйфорией спасения, и многие уже пили морскую воду, забыв о дисциплине, спеша утолить жажду навсегда.

— Значит, не разобьемся, — отрезала Юкико. — Рубите мачты.

Они рубили такелаж саблями и топорами. Раненые, умирающие от цинги люди работали с остервенением животных. Фок-мачта рухнула в воду с оглушительным треском, сработав как плавучий якорь — она взяла на себя давление ветра, замедлив ход судна.

«Утрехт» волокло боком на рифы. Скрежет дерева о камень был невыносимым. Корабль затрясся, как в агонии. Палуба накренилась. Людей посыпало в воду.

Алессандро успел обмотать Юкико запасным тросом и привязать второй конец к остатку бизань-мачты.

— Держись! — крикнул он. Волна — чудовищная стена зеленой воды — подняла корабль и швырнула его на гранит. Нос разлетелся в щепки. Вода хлынула внутрь, сметая переборки.

Алессандро почувствовал, как трос натянулся струной. Юкико висела над кипящей пеной, прижатая потоком к обломку мачты, но петля держала её за талию. Он пополз к ней по наклонной, уходящей из-под ног палубе, вбивая нож в дерево для опоры. Осколки древесины рвали кожу на руках и коленях.

Он добрался до неё, перехватил трос и обмотал вокруг своей руки.

— Прыгай! — проорал он, когда корма задралась вертикально вверх, готовая уйти на дно. — Вниз! В воду!

Она посмотрела на него. В её глазах не было страха. Только расчет. Она оттолкнулась ногами от мачты и полетела в бурлящий ад между корпусом корабля и скалами. Алессандро прыгнул следом.

Удар о воду вышиб остатки воздуха. Его потащило течением вдоль острых, как бритвы, краев рифа. Камни рвали одежду и мясо. Он видел пузыри — кто-то из команды уходил на дно прямо сейчас. Его приложило спиной о подводный уступ. Боль была белой и абсолютной. Легкое схлопнулось. Мир начал гаснуть, сужаясь в черную точку.

Сверху упала тень. Юкико. Она нырнула за ним, преодолев сопротивление воды сильными гребками здоровой руки. Вцепилась в воротник куртки. Попыталась поднять его голову над водой. Бесполезно. Он весил вдвое больше, а течение было сильнее их обоих. Их затягивало в воронку между камнями.

— Прости, — выдохнул он, пуская кровавые пузыри.

— Заткнись и не смей умирать раньше меня, — прохрипела она в ответ. — Я не собираюсь объяснять твоему призраку, почему я трачу последние силы на утопленника.

И тогда дно ушло из-под ног. Их вышвырнуло сквозь пролив в тихую лагуну. Буря осталась снаружи. Внутри царил покой. Вода была изумрудной, прозрачной. Песчаное дно устилало тысячи морских звезд. Течение выбросило их на пляж, как два мешка с тряпьем

Алессандро лежал на спине, глядя на пальмы. Небо над ними было неправдоподобно синим. Каждая косточка в теле кричала от боли. Ребра слева были перемолоты в кашу. Он попытался пошевелить левой ногой — бесполезно. Тазобедренный сустав полностью разрушен. Он парализован ниже пояса.

Юкико перевернулась на живот. Сплюнула песок и кровь. Посмотрела на него.

— Ну вот, — сказала она. — Мы дома. Добро пожаловать в Америку, учитель меча. Надеюсь, местные индейцы умеют вправлять кости. Иначе ты будешь очень тяжелым грузом.

Она попыталась встать, но ноги подкосились. Истощение догнало её разом. Упав рядом с ним на горячий песок, она закрыла глаза и мгновенно уснула.

Алессандро остался лежать, чувствуя, как жар тропического солнца выжигает влагу из его легких. Где-то в кронах деревьев кричали невидимые птицы. Остров пах гнилыми фруктами, солью и свободой.

Он дотянулся дрожащей рукой до её плеча и положил ладонь сверху, обозначая дозор. Ночь обещала быть долгой. Впереди была неизвестность, джунгли, наполненные ядовитыми змеями, и вопрос, который задавал ему Рэн много лет назад: что может защитить тебя от меча?

Теперь, когда мечей вокруг не было, а вместо врагов пришли болезни и стихии, ответ приходилось искать заново.

#Часть тринадцатая. Остров сломанных костей

Первые три дня на песке они не двигались. Солнце, которое казалось спасением после серого ада океана, стало их главным палачом. Оно выпивало остатки влаги быстрее, чем организм успевал её просить.

Алессандро лежал в полосе прибоя. Каждую волну лениво набегающий прилив омывал его лицо, но пить морскую воду было нельзя — Рэн когда-то объяснял ему физику смерти от жажды: соль вытягивает жидкость из клеток, человек гниет заживо изнутри, сходя с ума от галлюцинаций. Алессандро лишь смачивал губы и сплевывал едкую горечь.

Юкико пришла в себя первой. Её выносливость северного клана оказалась феноменальной. На второй день она уже ползала по пляжу, собирая сухие водоросли и обломки «Утрехта», которые море милостиво выбрасывало на берег. Она стаскивала всё это в одну кучу под тень гигантского валуна, похожего на спину спящего кота.

На третий день она вернулась к Алессандро. Опустилась на колени в песок. Провела рукой по его груди, стирая засохшую соль.

— Если мы останемся здесь, нас найдут либо каннибалы с юга, либо патруль испанцев, — сказала она. Голос был хриплым, но чистым. — Патруль посадит тебя на цепь в серебряных рудниках Потоси. Каннибалы просто сварят. Выбирай.

— Я бы выбрал суп, у меня нога болит, — попытался пошутить он, но изо рта вырвался только свистящий хрип.

— Твоя левая сторона мертва, — констатировала она безжалостно, ощупывая его таз через мокрую ткань. — Таз разбит. Позвоночник цел, иначе ты бы мочился кровью и не чувствовал рук. Но ходить ты не сможешь. Никогда.

— Тогда неси меня, — сказал он. — Ты же сильная.

Она посмотрела на него долгим взглядом, в котором боролись желание перерезать ему горло прямо сейчас и холодный расчет.

— Мне нужно десять дней, чтобы восстановить силы, — произнесла она. — И еще двадцать, чтобы построить плот. Если за эти тридцать дней лихорадка или гангрена не сожрут твою ногу, я потащу тебя в джунгли искать воду. А пока...

Она достала кинжал. Алессандро проследил за её взглядом. Мизинец на левой руке почернел. Кожа натянулась, глянцевая, как вареная колбаса. Пальцы ног тоже начали приобретать синюшный оттенок. Сухая гангрена. Омертвление тканей от удара о скалы и последующего переохлаждения в воде.

— Будет очень больно, — повторила она те же слова, что говорил он ей во время шторма.

— Режь, — приказал он. — Счет до трех не нужен. Я не буду дергаться.

Он отвернулся к океану. Юкико крепко прижала его плечо коленом, зафиксировав корпус. Левой, сломанной рукой он вцепился в корень прибрежной агавы, пробившийся сквозь песок. Первый удар ножа отсек мертвую фалангу. Хруст хряща показался Алессандро громче взрыва пороха на «Утрехте». Боль поднялась по нервам огненной волной, выжигая сознание. Он закричал — глухо, утробно, запрокинув голову так, что шейные позвонки затрещали. Песок под ним мгновенно потемнел от крови.

— Тише, — прошептала Юкико, продолжая пилить кость быстрыми, точными движениями хирурга. — Не пугай крабов, они придут на запах, и нам придется делить мясо.

Когда всё закончилось, она бросила черный обрубок пальца голодным чайкам. Те дрались за него в воздухе, словно за кусок самого лучшего золота. Юкико промыла культю морской водой — антисептик дикарей — а затем залила рану ромом из чудом сохранившейся в кармане куртки Алессандро плоской фляжки. Огненная жидкость вспыхнула в открытой ране.

— Зачем... ром? — выдохнул он, когда зрение вернулось.

— Для дезинфекции, идиот, — ответила она, туго бинтуя руку полосами, оторванными от его шелкового исподнего. — А теперь пей остальное. Нам нужно согреться. Ночью будет холодно.

Ночи действительно оказались ледяными. Из-за холодного течения Гумбольдта температура падала так резко, что камни покрывались инеем, хотя днем можно было жарить яйца на песке. Они спали, прижавшись друг к другу под ворохом вонючих водорослей. Юкико была печью. Она отдавала свое тепло его телу, дрожа от озноба, но не разжимая объятий. Это не было эротикой двух любовников. Это была механика выживания вида.

Днем она работала. Юкико строила плот. Она никогда раньше не держала в руках топора — дочь самурая должна владеть веером и коротким клинком, а тяжелый труд оставлен простым людям. Но металл оказался честнее сословий. Она рубила стволы бамбука и легкой бальсы, принесенные течением. Связывала их лианами, которые научилась выбирать методом проб и ошибок — первая попытка обернулась ожогами кожи, пузырями вспухшими по всему предплечью (ядовитый плющ выглядел обманчиво зеленым).

Алессандро мог только смотреть. Его вклад в строительство заключался в математике.

— Угол наклона мачты должен быть сорок пять градусов, — хрипел он, чертя схемы на влажном песке обломком раковины. — Если сделаешь шире — опрокинемся на боковом ветре. Уже — нас положит бродингом. Центр тяжести ниже. Груз — мешки с сушеными водорослями. Они легкие, но дадут плавучесть, если дерево напитается водой.

— Почему ты не стал моряком, гайдзин? — спрашивала она, вытирая пот рукавом. — У тебя глаза портового инженера.

— Мой отец делал чаши для сакэ, — отвечал он. — Золото слишком мягкое. Оно учит понимать форму, но ненавидеть блеск. Моряки любят блеск. Им нужны золотые монеты. Мне нужна правда веса.

К исходу третьей недели плот был готов. Назвали они его «Ржавчина» — в честь старой катаны Алессандро, которая осталась где-то на дне вместе с кораблем ван дер Меера. Наступил момент погрузки. Юкико попыталась поднять Алессандро. Вес его иссохшего тела всё равно оставался неподъемным для истощенной женщины с незажившим переломом руки. Она надорвалась сразу — упала на колени, тяжело дыша, кровь выступила на швах повязки.

— Нет, — отрезала она, пресекая его попытки помочь голосом. — Жди.

Она ушла в джунгли. Вернулась через час с пучком толстых лиан и двумя толстыми палками. Соорудила волокушу. Положила туда циновку, сверху — Алессандро. Впряглась сама. Путь от берега до воды превратился в пытку. Мелкий коралловый песок забивался в рот, скрипел на зубах. Каждый шаг отзывался болью в её позвоночнике. Алессандро видел только её ноги, ступающие по острым ракушкам. Кровавые следы тянулись за ними яркой пунктирной линией.

Они достигли воды. Прибой пытался забрать их обратно. Волна ударила в борт плота, окатив их с головой. Соленая вода попала в открытую рану на руке Алессандро. Он выгнулся дугой, теряя сознание от болевого шока, и случайно ударил здоровой ногой по лицу наклонившуюся Юкико. Разбил ей губу.

— Плыви, — прохрипел он, когда смог дышать. — Брось меня. Ты успеешь добраться до материка одна. Возьми припасы.

— Заткнись, — она сплюнула красный сгусток в воду. — Если ты еще раз предложишь мне бросить тебя, я утоплю нас обоих прямо здесь. Мой род Дзен не оставляет своих мертвецов врагу, даже если этот враг — собственная слабость.

Она столкнула плот. Забралась на бревна, рухнув без сил на настил. Плот медленно пополз прочь от острова. Остров исчезал в дымке долго. Сначала пропали пальмы. Потом черная скала. Последним растаял валун-черепаха. Алессандро смотрел назад, пока горизонт не стал идеально ровной линией. Только тогда он позволил себе закрыть глаза.

Часть четырнадцатая. Великий синий скат

Тихий океан огромен настолько, что человеческий разум ломается от попыток осознать эту пустоту. Здесь нет времени. Есть только солнце, встающее на востоке, и солнце, тонущее на западе. Между этими событиями — бесконечное синее полотно.

Их запасы составляли: два литра дождевой воды, собранной в складках паруса; полмешка корней маниоки, сгнивших наполовину, но годных к варке; десяток кокосов; и труп крупной акулы, которую Юкико забила веслом, когда та попыталась перевернуть плот. Мясо акулы пришлось есть сырым — огня не было. Сырое акулье мясо жесткое, пахнет аммиаком и отвратительно на вкус, но оно дает белок. Белок держит мышцы на костях.

Главной проблемой стала не жажда. Главными врагами стали безумие и кожа. Солнце работало как линза. Через неделю пребывания на плоту плечи Юкико превратились в один сплошной пузырь. Кожа слезала лоскутами, обнажая алое мясо. Лицо распухло до неузнаваемости. Глаза заплыли щелочками. У Алессандро началось то, чего он боялся больше смерти — сепсис. Рана на руке, несмотря на ежедневные промывания (они использовали собственную урину как самый стерильный доступный раствор), воспалилась. От локтя до плеча пошла красная полоса лимфангита. Температура поднималась так высоко, что ночами его трясло в ознобе, хотя воздух был раскален.

В моменты просветления он учил её русскому языку. Это помогало не слышать крик собственного тела.

— Повторяй: вода, — шептал он, глядя в зенит.

— Во-да, — послушно повторяла она, слизывая соль с верхней губы.

— Камень.

— Ка-мен.

— Любовь.

— Лю-бовь, — она произносила слово осторожно, как берут в руки ядовитую змею. — Что оно значит?

— Это когда боль другого человека становится важнее твоей собственной, — ответил Алессандро и снова провалился в темноту лихорадки.

Шторм застал их на двенадцатый день плавания. Маленький, шквалистый, рожденный столкновением теплых и холодных течений. Он налетел внезапно. Небо за полчаса стало цвета индиго.

— Держись за леер! — крикнул Алессандро, хотя голосовые связки отказывали. — Не давай парусам полоскать!

Юкико, обезумевшая от боли в обожженной спине, привязала себя к центральному бревну тем самым тросом, что спас их при крушении. Алессандро сделал то же самое. Волны были небольшими, но короткими и злыми. Они били в плот снизу, пытаясь проломить настил. Одно бревно лопнуло с выстрелом винтовочного затвора. Плот перекосило.

А потом пришел дождь. Благословенный, ледяной, хлещущий по открытым ранам. Они открыли рты, ловя капли. Вода текла по лицам, смывая гной и соль. Это было лучшее ощущение в жизни Алессандро — чище первого поцелуя, слаще вкуса победы над Куросавой.

Но радость длилась недолго. Дождь принес молнию. Разряд ударил в верхушку мачты. Вспышка ослепила их. Запахло озоном и паленым волосом. Плот загорелся. Тонкие сухие лианы вспыхнули как трут.

— Вода! — взвизгнула Юкико, пытаясь развязать узлы обожженными пальцами.

Узлы затянулись намертво. Алессандро действовал на инстинктах. Инстинктах мечника. Там, где сила бесполезна, работает геометрия. Он перегнулся через край горящего плота, рискуя свернуть шею на волнах, и начал бешено молотить ногами по воде, создавая тягу. Одновременно он всем весом навалился на противоположный край настила. Плот накренился. Горящие лианы соскользнули в воду и зашипели, погаснув. Это заняло секунды. Но Юкико смотрела на него так, будто увидела призрак Рэна.

После шторма наступил штиль. Зеркальный штиль. Море превратилось в ртуть. Ни ветерка. Солнце стояло прямо над головой. Вода кончилась через сутки. Кокосы высохли. Корни маниоки покрылись белой плесенью, светящейся в темноте — фосфоресцирующий грибок, съедающий мозг.

Юкико начала видеть людей.

— Смотри, — говорила она, указывая пальцем за борт. — Там лодка. Дедушка Хэйтаро машет нам веслом. Почему мы не причаливаем? Он ругаться будет за наше молчание.

— Молчи, — просил Алессандро, сжимая её руку своей единственной здоровой конечностью. — Это марево.

— Нет, это рыба! — вдруг радостно кричала она через час. — Летучая рыба! Еда!

Рыба действительно прыгала. Сотни серебристых тел взлетали из воды и падали прямо на палубу их плота. Это было чудо. Манна небесная. Они ели рыбу сырой, высасывая глаза и грызя кости. Жир немного смазал пересохшие глотки.

На девятнадцатый день дрейфа Юкико перестала говорить по-японски. Она полностью перешла на русский, который знала всего из десятка слов.

— Холодно, — шептала она, лежа под палящим солнцем. — Мама, дай пирожок. Алессандро, почему снег зеленый?

Её рассудок истощился, как папирус. Она путала прошлое и настоящее. Иногда она называла его Мураками-сенсеем и пыталась извиниться за смерть учителя. Иногда принимала его за своего младшего брата, погибшего много лет назад.

Алессандро держал её. Физически. Когда она в бреду пыталась встать и пойти по синему небу в лес, он наваливался на неё всей массой своего тяжелого торса, прижимая к горячим доскам, и пел. Он пел русские колыбельные, которых почти не помнил. Выходило нескладно, горланно, но ритм успокаивал её сердце.

На рассвете двадцать второго дня он увидел птицу. Не белую крачку, которая сопровождает корабли в надежде на объедки. Это был фрегат. Огромная черная птица с раздвоенным хвостом. Фрегаты не улетают далеко от земли. Их крылья созданы для маневрирования между деревьями, а не для трансатлантических перелетов.

— Земля, — просипел Алессандро. — Юкико. Посмотри. Земля.

Она открыла глаза. Белки глаз были кровавыми от лопнувших сосудов. Губы покрыты коркой черной крови.

— Я вижу, — спокойно сказала она. — Это кладбище. Там все наши. Пойдем к ним?

— Позже, — пообещал он. — Сначала поздороваемся.

Через четыре часа они увидели цвет воды. Она сменилась с глубокого ультрамарина на грязновато-зеленый. Под килем замелькали темные пятна — рифы. А затем ветер, которого не было три недели, принес запах. Сладковатый, гниlostный, мощный запах тропического леса. Запах влажной земли, орхидей и разложения.

Плот начало нести на барьерный риф. Острые кораллы ждали их, готовые превратить древесину и человеческие кости в фарш. Юкико, собрав последние крохи воли, доползла до руля — доски, привязанной веревками. Она налегла на него, используя свой вес. Плот нехотя развернулся боком. Их протащило вдоль рифа. Бревна трещали. Осколки кораллов размером с нож впились в дерево в дюйме от ног Алессандро.

А потом дно ушло вниз. Их выбросило в узкий канал между рифом и берегом. Волны тут были спокойнее. Плот ткнулся носом в нечто мягкое. Черный вулканический песок.

Юкико попыталась встать, чтобы сойти первой, как положено капитану. Ноги подогнулись. Она упала лицом в песок, да так и осталась лежать, тихо всхлипывая — не от боли, а от того факта, что твердая земля наконец приняла их.

Алессандро выполз следом. Он перевалился через борт и упал на живот. Песок был невыносимо горячим, но он целовал его. Он кусал его, чувствуя на зубах кристаллики кварца.

Где-то в глубине острова, скрытые стеной зелени, закричали обезьяны-ревуны. Звук был похож на вой банши, предвещающей смерть. Алессандро поднял голову. Его губы растянулись в улыбке. Больше половины зубов отсутствовало. Левая половина лица висела мертвой маской. Правая глазница покраснела.

— Добро пожаловать домой, — сказал он пустой бухте на смеси четырех языков. — Теперь начинается настоящая работа.

Часть пятнадцатая. Долина двух теней

Земля под ними дрогнула. Это был не прибой — это было дыхание острова. Где-то в глубине джунглей, скрытый плотной стеной испарений, ворочался вулкан. Низкий, утробный гул отдавался в костях Алессандро сильнее, чем недавняя лихорадка.

Они пролежали на черном песке до заката. Никто из них не мог заставить мышцы работать. Юкико уснула первой — просто провалилась в темноту, лежа щекой на мокром песке, смешанном с золой. Алессандро остался бодрствовать. Его тело весило меньше, чем пустой бурдюк, но каждая кость была сломана усталостью. Он лежал и смотрел, как тени от пальм вытягиваются, превращаясь в когтистые лапы.

Первым делом они нашли воду. Не благодаря чуду — благодаря мухам. Зеленые мясные мухи роились над зарослями пандануса в ста ярдах от берега. Там оказался ручей. Пресная, ледяная вода, пахнувшая мхом и минералами. Они пили, пока их не стошнило чистой жидкостью. Обезвоженный организм отверг избыток.

Ночью пришел холод гор. Несмотря на широту, остров имел сложный рельеф. Как только солнце скрылось за хребтом, температура упала градусов на двадцать. Влажность превратила воздух в клей. Начались тропические ливни — короткие, яростные, бьющие по листьям так, словно небо разрывали на части. Алессандро разжег первый огонь. Вытащил из кармана штанов огниво, которое носил при себе со времен службы у Рэна. Высечь искру о намокший камень казалось невозможным, но правая рука помнила движение: резкое, короткое, от плеча. Сухой трут из сердцевины пальмы занялся. Юкико сидела напротив, завернувшись в обрывок паруса, и смотрела на пламя пустыми глазами. Огонь отражался в её зрачках, возвращая им осмысленность.

— Мы живы, — сказал он, протягивая ей кусок сырой рыбы, оставшейся с мяса.

— Пока, — ответила она и впиалась зубами в мясо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.